

Линев Дмитрий Александрович

В пересыльной тюрьме

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Александрович Л.**
В пересыльной тюрьме / Линев Дмитрий Александрович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 365 с.

ISBN 978-5-519-93497-8

Продолжение романов Исповедь преступника, По тюрьмам

ISBN 978-5-519-93497-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

время одно наше незначительное произведение. Вполнѣ сочувствуя появленію «По тюрьмамъ», она предложила намъ постоянное сотрудничество въ своемъ журналѣ, при условіи предварительнаго печатанія въ немъ нашихъ тюремныхъ очерковъ, которыми мы для этого должны были придать форму романа. Последнее обстоятельство побудило насъ связать эти очерки съ прежде напечатаннымъ въ томъ-же журналѣ романомъ «Исповѣдь преступника», ввести въ нихъ то-же вымышленное лицо Карасева, которому мы приписали дѣйствительно имѣвшее мѣсто дѣло; при чемъ, разумеется, ни это дѣло, ни судьба самого Карасева не должны были играть въ нихъ никакой роли. О своей собственной особѣ Карасевъ, отъ имени котораго ведется рассказъ, сообщаетъ ровно столько и даже меньше того, сколько необходимо для приданія очеркамъ романическаго интереса. Въ концѣ прошлаго года, мы получили наконецъ возможность, исправивъ и дополнивъ напечатанные въ «Иллюстраціи» очерки и снявъ съ нихъ этикетку романа, издать первый томъ нашего труда, подъ названіемъ: «По тюрьмамъ», «Впредь до распоряженія». Имѣя въ виду нашу задачу: дать возможно точную фотографію тюремнаго быта, мы, понятнo, *не создали и не преувеличили ни одного факта*, и, кромѣ нѣсколькихъ измѣненныхъ и вымышленныхъ именъ, связи фактовъ между собою и вообще того, что требовала беллетристическая форма произведенія, во всей книгѣ не было ничего творческаго. Описанная нами дѣйствительность, и безъ всякихъ прикрасъ, явилась такою, что заставляла насъ опасаться быть заподозрѣнными, обыкновенными читателями, въ преувеличеніи. Опасенія наши разсѣялись только въ виду перваго, появившагося въ «Голосѣ» (№ 234—78 г.), отзыва о нашей книгѣ, гласившаго между прочимъ, что *«всякій, читая этотъ бойко веденный рассказъ, убѣжденъ въ томъ, что типы, выводимые авторомъ, нисколько не преувеличены и всѣ анекдоты о продолжкахъ тюремныхъ властей, о ихъ грубости и варварскомъ обращеніи съ заключенными, о систематическомъ обкрадываніи казны—совершенно вѣрны. Г. Линева, выводитъ не мало типовъ очень хорошо очерченныхъ»*... и т. д.—«С.-Петербург. Вѣдомости» (№ 244—78 г.) также поспѣшили отозваться о «По тюрьмамъ», указавъ на *«соціальное значеніе и серьезное содержаніе»* книги. Вслѣдъ за другими, болѣе или менѣе согласными отзывами, книга наша, точнѣе—*мы*—удостоились цѣлыхъ шести фельетонныхъ столбцовъ всевозможной ругни, клеветъ и инсинуацій, вышедшихъ изъ-подъ пера знаменитаго нововременскаго критика, г. Буренина. Вѣрный своему неизмѣнному «критическому» приему, г. Буренинъ, прежде всего, конечно, счелъ нужнымъ подѣлиться съ читателемъ своими біографическими о насъ свѣдѣніями, приписать намъ, между прочимъ, и такія преступленія, какъ шуллерство,

многочисленность и подлоги, въ которыхъ мы не только никогда не обвинялись, но и никѣмъ не заподозрѣвались. «По тюрьмамъ», по его рѣшительнымъ увѣреніямъ, «наполнена только заботами о томъ, чтобы представить читателю въ привлекательномъ видѣ нашу собственную личность». «Всѣ факты и подробности о тюремныхъ порядкахъ — невѣрны, вымышленны, мелки.... Достаточно де-скать припомнить прошлое автора» и т. п. Досталось даже и издателю.... Само собою разумѣется, что мы нисколько не удивились нахальству г. Буренина, авторитетно трактующаго о тюремныхъ порядкахъ, о которыхъ онъ не имѣетъ нисколько никакого понятія, очевидно, никогда, не только лично не изучавъ ихъ, но и не полюбопытствовавъ просмотрѣть ни одной статьи о тюрьмѣ: еще менѣе мы были тронуты его площадною бранью, которою онъ рѣдкаго изъ писателей обходилъ. Напротивъ, насъ могло-бы удивить и даже пожалуй обидѣть, именно, только противное. Есть-же такіе субъекты, похвала которыхъ хуже всякой брани... Не то было по прочтеніи нами статьи критика—спеціалиста, автора нѣсколькихъ, правда, очень неважныхъ статей и брошюръ по тюремному вопросу, знаменитаго директора петербургскаго тюремнаго комитета, г. Никитина. Эта статья, носящая названіе «Современный Хлестаковъ въ роли моралиста», напечатанная въ № 294 газеты «Новости», за прошлый годъ, написанная: по увѣренію г. Никитина, «въ интересахъ истины», по содержанію же статьи—ради убѣленія тѣхъ двухъ-трехъ «истинныхъ», *превосходныхъ*, «умныхъ», «энергическихъ», «страстныхъ родителейъ узника», «почти святыхъ» и «знатныхъ» дамахъ, о филантропической дѣятельности которыхъ мы дерзнули не совѣтъ сочувственно отозваться въ «По тюрьмамъ», и тѣхъ близкихъ сердцу г. Никитина образцовыхъ порядковъ тюремной больницы, которой мы еще едва коснулись въ своихъ описаніяхъ—не могла насъ глубоко не возмутить. Зная отношенія г. Никитина къ одной изъ тѣхъ филантропокъ и въ той тюрьмѣ, на защиту которыхъ онъ выступилъ, отношенія, въ которыхъ онъ отчасти и самъ сознается и которыя проглядываютъ чуть-ли не въ каждой фразѣ его статьи, мы, возмущаясь, не могли не проникнуться чувствомъ крайняго стыда за него, за имя литератора, которое онъ носитъ. Къ сожалѣнію, положеніе наше (мы находились въ то время въ одномъ изъ самыхъ глухихъ, медвѣжьихъ уголковъ вятской губ.) лишило насъ возможности тогда же обличить его, сорвать съ него маску защитника «истины», освѣтить *дѣйствительное* происхожденіе статьи. Мы это дѣлаемъ теперь, хотя хорошо сознаемъ грозящую намъ за это со стороны его «почти святыхъ» и «знатныхъ» друзей — опасность. Но, разъ искупивъ долгими страданіями нашу полную заблужденій и горькихъ ошибокъ юность и твердо ставъ на настоящую

VII

дорогу, разъ посвятивъ себя дѣятельности на поприщѣ печатнаго слова и рѣшившись сослужить хоть незначительную службу, ближнему намъ тюремному дѣлу, способствовать своимъ трудомъ проникновенію въ общество сознанія его обязанностей къ нему, мы никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не поступимся нашимъ главнымъ и, пожалуй, единственнымъ оружіемъ—правдой. Пусть ужъ гг. Никитины, съ ихъ «безукоризненнымъ» прошлымъ, служатъ лицамъ, а не дѣлу; пусть *они* превозносятъ, восхваляютъ и поютъ днѣпрамбы «нужнымъ людямъ»!... Наша задача — иная: изобличать подлость, мнимую благонамѣренность, обнаруживать зло, указывать язвы во всей ихъ отвратительной наготѣ; такъ какъ, только при такихъ условіяхъ и мыслимо сколько-нибудь правильное и цѣлесообразное врачеваніе.

Самъ, г. Никитинъ, въ началѣ своей статьи, объясняетъ ея появленіе двумя мотивами: тѣмъ, что «малосвѣдующіе и легковѣрные люди» охотно читаютъ наши произведенія, и тѣмъ, что «иные, вступая въ число тюремныхъ дѣятелей», «вмѣсто того, чтобы обращаться за справками къ нему, многоопытному и непогрѣшиму директору тюремнаго комитета, дерзаютъ адресоваться за этимъ къ намъ. Именно, съ цѣлью открыть глаза тѣмъ и другимъ, онъ и рѣшился имѣющимися у него достовѣрными свѣдѣніями о самомъ Карасевѣ, отъ имени котораго ведется рассказъ въ романѣ «Исповѣдь преступника» и въ «По тюрьмамъ», — доказать всю лживость содержанія этихъ произведеній. — Приѣмъ, какъ видитъ читатель, чисто Буренинскій, только на другой подкладѣ: одинъ — выкладываетъ свои «достоверныя свѣдѣнія», большею частью, единственно, по глубоко вкоренившейся въ немъ страсти къ скандалу; другой-же, какъ мы увидимъ, — ради плохо скрытыхъ, болѣе неблаговидныхъ цѣлей. — Не придавая никакого особеннаго значенія нашему совершенно отличному отъ «По тюрьмамъ» произведенію, роману «Исповѣдь преступника», мы не имѣемъ ни желанія, ни возможности, наконецъ, вслѣдствіе размѣра настоящей замѣтки, входить и въ подробный разборъ той части статьи почтеннаго критика, которая посвящена именно этому произведенію. Упомянемъ только о нѣкоторыхъ изъ приводимыхъ въ ней, для опроверженія нашихъ словъ, доказательныхъ «истинъ», въ дѣйствительности, рпеующихъ только поразительное въ литераторѣ, правда не специальное, невѣжество г. Никитина. Въ романѣ говорится о стараніяхъ крестнаго отца Карасева опредѣлить его въ духовную семинарію. «Ложь!» восклицаетъ г. Никитинъ, и вотъ доказательная «истина»: въ духовныя семинаріи могутъ поступать исключительно дѣти священно и церковно-служителей; ясно, слѣдовательно, что объ опредѣленіи въ это заведеніе Карасева не могло быть и рѣчи. Карасева не принимаютъ въ приготовительный пансіонъ при од-

VIII

номъ спеціальному учебному заведенію;—другая ложь: никакихъ такихъ приготовительныхъ пансіоновъ, въ которые бы не принимались лица непривилегированныхъ сословіи—по рѣшительному заявленію г. Никитина—не существуетъ. Карасевъ, по «достовернымъ свѣдѣніямъ» критика, отбывъ кратковременный арестъ, къ которому онъ былъ приговоренъ, подлежалъ высылкѣ подъ надзоръ полиціи, но былъ избавленъ отъ этого по ходатайству всемогущей филантропки, г-жи Гуриной... Да позволено же будетъ намъ преподать г. Никитину, что, на основаніи парагр. 6, Высочайше утвер. 17 мая 1867 г. устава, духовныя семинаріи открыты для лицъ *всѣхъ сословіи* православнаго исповѣданія; въ такіе приготовительные пансіоны, какъ существующіе при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ и другихъ подобныхъ заведеніяхъ, дѣти лицъ податныхъ сословіи *не принимаются*; наконецъ, приговоренные къ кратковременному аресту, по уст. о наказ., и тѣмъ болѣе не рецидивисты,—никуда. ни подъ какой надзоръ, не высылаются, а слѣдовательно, и избавленіе Карасева, филантропкой Гуриной, отъ такого надзора — чистѣйшій вымыселъ, достаточно характеризующій какъ качество «достоверныхъ» свѣдѣній г. Никитина, такъ и источникъ, изъ котораго онъ ихъ почерпнулъ.... Но для насъ важна его *критическая* оцѣнка не «Исповѣди», а «По тюрьмамъ», книги, всецѣло посвященной его спеціальности.—Съ чего-же бы вы думали, читатель, начинается эта оцѣнка?... Начинается она, ни болѣе ни менѣе, какъ съ отстаиванія «ума» и «святости» тюремныхъ филантроповъ. Г. Никитина глубоко возмущаетъ, что одна изъ нихъ, графиня Галенъ, по его «достовернымъ» свѣдѣніямъ—княжна Д. К., оказывается у насъ молящеюся на колѣняхъ, у кровати больного арестанта. Ему нѣтъ никакого дѣла до того, что графиня Галенъ выставляется нами далеко не въ смѣшномъ видѣ, что, при болѣе или менѣе внимательномъ просмотрѣ первыхъ главъ «По Тюрьмамъ», становится ясно, что мы ее даже въ извѣстной стѣпени идеализируемъ. Онъ не можетъ допустить самаго факта, вѣроятно, по его мнѣнію, крайне унижающаго аристократическое достоинство графини, и обрушивается за него на насъ со всей силой своихъ доказательныхъ «истинъ». Съ одной изъ нихъ не можемъ, впрочемъ, не согласиться: арестанты, дѣйствительно, ко всякимъ эффектамъ и религіознымъ въ особенности относятся съ сарказмомъ, и смѣемъ увѣрить г. Никитина, что мы искренно жальемъ, что этого, вмѣстѣ съ нимъ, не хотятъ понять тѣ филантропы и филантропки, тюремная дѣятельность которыхъ, главнымъ образомъ, и выражается, именно, во всевозможныхъ эффектахъ. Насъ удивляетъ только смѣлость г. Никитина, рѣшающагося отрицать самый обыкновенный въ тюремной больницѣ фактъ. По крайней мѣрѣ, въ

описываемое въ «По тюрьмамъ» время, не только директоръ тюремнаго комитета, полагать надо, болѣе или менѣе часто посѣщающій тюремную больницу, но и всякій, болѣе рѣдкій посѣтитель могъ найти въ ней, хотя ту-же, князю Д. К., о которой г. Никитинъ упоминаетъ, горячо молящейся у кровати того или другаго изъ наиболѣе опасныхъ больныхъ; въ чемъ, впрочемъ, одинъ только г. Никитинъ и можетъ видѣть эффектъ. Далѣе, г. Никитинъ еще упорнѣе набрасывается на насъ, за нашъ отзывъ о «хорошо и коротко» ему извѣстной филантропкѣ Гуриной, какъ «о посвятившей себя филантропіи безъ всякой подготовки, въ силу лишь мистическаго настроенія и иныхъ, менѣе одобрительныхъ, импульсовъ», о той Гуриной, о которой, мы, въ романѣ «Исповѣдь преступника», упоминали какъ о гуманной и доброй женщинѣ. Въ этомъ нашемъ «разнорѣчїи» г. Никитинъ, прежде всего, склоненъ видѣть доказательства поврежденія у насъ разсудка. Страница (370) «По тюрьмамъ», изъ которой г. Никитинъ набралъ нашъ приведенный отзывъ, и которымъ, добавимъ, по нашему крайнему убѣжденію, ни сколько не отрицается доброта г. Гуриной, заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, такое мѣсто, гдѣ суровое слово безпощаднаго осужденія изъ устъ той самой Гуриной, которую Карасевъ два года назадъ зналъ всепрощающею, безгранично любящею, вызываетъ въ немъ слѣдующее разсужденіе: *«Продолжительное общеніе съ тюремнымъ міромъ и болѣе близкое, непосредственное знакомство съ людскою испорченностью, повидимому, повлекли за собою значительное охлажденіе, невольный скептицизмъ. Оказалось, что имѣть только доброе сердце и желаніе слѣдовать возвышеннымъ указаніямъ религіи недостаточно, постоянно имѣть предъ глазами пороки въ самыхъ его разнообразныхъ, возмутительныхъ формахъ, наглое притворство, ложь, черную неблагодарность. Для того, чтобы оставаться нравственно неизмѣнными, оставаться, такъ сказать, внѣ вліянія житейскихъ ударовъ, нужны еще твердая воля, непоколебимыя убѣжденія, опытный, закаленный въ бояхъ характеръ. т.-е., то, что, къ сожалѣнію, рѣдко вносятъ въ свою дѣятельность тѣ почтенныя дамы, которыя, въ силу того или другаго импульса, чаще всего въслѣдствіе мистическо-религіознаго настроенія, посвящаютъ себя извѣстному дѣлу, безъ всякой сколько нибудь серьезной, предварительной къ нему подготовки. А тюремная филантропія, въ истинномъ значеніи этого слова, именно и требуетъ такой подготовки. Одна только матеріальная помощь никогда безусловно не подниметъ падшаго, и тѣмъ менѣе,—исправитъ порочнаго. Онъ требуетъ серьезнаго леченія, что, очевидно, невозможно при поверхностномъ, такъ сказать, наружномъ лишь,—знакомствѣ съ болѣзнью»...*

Неужели-же, «извѣстный» тюремовѣдъ, по его собственному

заявленію, много лѣтъ занимающійся тюрьмовѣдѣніемъ въ литературѣ и практически, будетъ отрицать основательность этихъ строкъ? Не сознается-ли онъ самъ въ своей статьѣ, со ссылкой на *собственный опытъ*, что наглость, притворство и обманъ, съ которыми филантропу приходится встрѣчаться въ тюрьмахъ, имѣютъ не только деморализующее вліяніе на его дѣятельность, но и, вмѣсто челоуѣколюбія, внушаютъ одно только презрѣніе и *глубокую ненависть*?.. Вотъ то-то и плохо, г. Никитинъ, что не только «коротко знакомыхъ» вамъ дамъ; но и васъ самихъ хватаетъ только до первой неудачи; весь вашъ пылъ, вся ваша любовь къ дѣлу моментально исчезаютъ и замѣняются даже ненавистью, какъ только вамъ приходится столкнуться съ его темными сторонами!.. Не глубокой-ли правдой дышать слова Карасева, рекомендующаго вамъ серьезную, предварительную подготовку воли и убѣжденій и серьезное изученіе?... Чтобы подорвать всякую вѣру къ нашимъ словамъ или тѣмъ смѣлѣе обѣщать, что ему дорого, г. Никитинъ прибѣгнуть даже къ подтасовкѣ фактовъ: личность, описанную нами подъ именемъ барона Соте, онъ принимаетъ за извѣстнаго барона С—ва, хотя послѣдняго г. Никитинъ не могъ не узнать въ баронѣ Вьевѣ, не только не возводимомъ нами на пьедесталъ, но и, какъ можно видѣть на страницѣ 80 («По тюрьмамъ»), называемомъ нами «готовымъ на всѣ руки», участвующимъ въ наглѣмъ обирательствѣ неопытной женщины. Баронъ-же Соте, смѣемъ увѣрить нашего почтеннаго критика, никогда, ни въ какихъ неблаговидныхъ продѣлкахъ не участвовалъ и не привлекался ни къ какому уголовному дѣлу. Вѣрность-же его исторіи, послужившей и для г. Буренина богатымъ матеріаломъ для его псевдо-критическихъ глумленій, къ сожалѣнію, вѣтъ всякаго сомнѣнія. Положеніе г. Соте, въ настоящее время, благодаря счастливой случайности, совершенно измѣнилось, и если г. Никитину угодно, мы можемъ назвать ему, не въ печати разумѣется, дѣйствительныя имена дѣйствующихъ въ этой исторіи лицъ и самого Соте, который, мы увѣрены, не откажется доказательно удовлетворить его. Умышленная ложь г. Никитина особенно рѣзко бросается въ глаза, при увѣреніяхъ его о «превосходномъ состояніи» тюремной больницы. Трудно допустить, чтобы онъ не зналъ, что визитація всѣхъ докторовъ, повторяемъ, «наѣзжающихъ» ординаторовъ другихъ больницъ въ описываемое, въ «По тюрьмамъ», время, занимала всего полчаса, и только въ рѣдкихъ случаяхъ, при особенно сильномъ наплывѣ больныхъ — часъ времени; что въ 12-ти часамъ, обѣденному для больныхъ времени, оканчивались не только осмотръ врачами всѣхъ 100 — 150 больныхъ, но и раздача имъ лекарствъ. Уже въ началѣ 12 часа, въ больницѣ

нельзя было заставить ни одного врача. Да иначе и быть не могло: врачамъ, вѣдь, нужно же было, утромъ-же, успѣть побывать и въ другихъ больницахъ, въ которыхъ они служили... Если тюремная больница и находилась когда-либо въ удовлетворительномъ состоянiи, то это было только въ то короткое время, когда ея завѣдывали дѣйствительно добросовѣстные и честные врачи гг. К—ръ и А—съ. Первый, не только отдавалъ ей все свое время, но и не щадилъ собственныхъ средствъ. Но и они, при всѣхъ своихъ старанiяхъ, не могли совершенно искоренить глубоко привившiйся злоупотребленiя и недостатки, и въ концѣ концовъ, послѣ довольно упорной, но тщетной борьбы съ тюремной администрацiей, вынуждены были уступить мѣсто болѣе податливымъ. Свидѣтельство-же г. Никитина о безусловной честности и благодарности *всѣхъ тѣхъ* многихъ врачей, которые занимались въ тюремной больницѣ, въ продолженiи послѣднихъ десяти лѣтъ, мы принимаемъ только какъ *официальную аттестацiю*, директора тюремнаго комитета, возражать противъ которой врядъ-ли нужно. Напомнимъ только г. Никитину, что ему не можетъ быть неизвѣстно, что не одинъ изъ этихъ *человѣколюбивыхъ* врачей, не разъ, за малѣйшую рѣзкость или непочтительность больного, или пожалобѣфельдшера, отправлялъ его, не стѣсняясь ни его болѣзнию, ни временемъ года, — въ неменѣе хорошо извѣстный г. Никитину карцеръ, пребыванiе въ которомъ убивало и совершенно здоровыхъ людей. Странно, какъ это еще г. Никитинъ не рѣшился отвергать многихъ другихъ описанныхъ нами больничныхъ безобразiй!... Г. Никитинъ рѣшительно не допускаетъ, чтобы «какая-то сумасбродная Амалия Карловна жуировала по секретнымъ камерамъ полицейскаго дома, рискуя быть застигнутою въ нихъ, и затѣмъ *переселиться въ тюрьму на нѣсколько мѣсяцевъ въ качествѣ арестантки*». Но зачѣмъ-же онъ умалчиваетъ при этомъ о тѣхъ приведенныхъ въ «По тюрьмамъ» прiемахъ, благодаря которымъ, Амалия Карловна нисколько не рискуетъ быть застигнутою? Наконецъ и преподнесенная имъ доказательная «истина», опять таки, обнаруживаетъ только его невѣжество: нѣтъ такой статьи закона, которая карала бы да еще продолжительнымъ тюремнымъ заключенiемъ — частное лицо, за то только, что оно, будучи допущено смотрителемъ въ арестантскую камеру, проводило тамъ весело время.

Но не довольно-ли?... Полагаемъ, что ко всему уже сказанному нами достаточно прибавить только, что вся статья испещрена всевозможными хвалебными эпитетами, которыми г-нъ Никитинъ щедрой рукой награждаетъ «знатныхъ» филантроповъ, свидѣтельствомъ о ихъ «чудесной», «умной» и «превосходной» дѣятельности и авторитетно опровергающими насъ доказательствами «истинами», образчика которыхъ мы представили чита-

ХІІ

телю. «Истина» такъ дорога г. Никитину, что, не смотря на всю несправедливость для него нашего труда, онъ находитъ нужнымъ признать въ «По тюрьмамъ», на ряду съ сплошною ложью, и 5—7 печатныхъ листовъ «дѣйствительно-характерныхъ свѣдѣній». Это признаніе, однако, слишкомъ плохая ширма, и мы смѣемъ думать, что для каждаго прочитавшаго настоящія строки, истинный характеръ отношенія г. Никитина къ нашему труду—не составляетъ болѣе секрета.

Мы еще и потому сочли нужнымъ остановиться на «критической» статьѣ г. Никитина, что ему, вѣроятно, еще не разъ придется выступать противъ насъ на защиту дорогихъ ему «истинъ». По крайней мѣрѣ, приготовляемый нами къ печати отдѣльный трудъ, посвященный исключительно дѣятельности нашихъ тюремныхъ филантроповъ, и *третій* томъ «По Тюрьмамъ», который, если ничто особенное намъ не помѣшаетъ, мы вѣроятно издадимъ въ первой половинѣ будущаго года, дадутъ ему еще достаточный поводъ къ бросанію въ насъ всевозможной грязи... Но, повторяемъ: мы служимъ *дѣлу*, а не лицамъ; хотя, конечно, не хуже г. Никитина знаемъ всѣ невыгоды *такого* служенія.

Авторъ.

ВЪ ПЕРЕСЫЛЬНОЙ ТЮРЬМѢ ¹⁾.



ГЛАВА I.

Тюремная контора.—Фигура въ оригинальномъ одѣяніи «по средствамъ». — «Провинціальный секретарь». — Незаурядный надзиратель. — «Одна минута» на морозъ, среди «нищенскаго комитета». — Въ верхнемъ корридорѣ арестантскаго флигеля.

Надъ воротами, небольшая черная досочка съ полинявшею отъ времени, едва замѣтною надписью: «Пересыльный замокъ». У воротъ, тяжело переминающаяся съ ноги на ногу, рослая человѣческая фигура, плотно закутанная въ крытую стѣрымъ сукномъ, такъ называемую, «караульную шубу». Голова вся ушла въ воротникъ необыкновенныхъ размѣровъ, а длиннѣйшіе рукава, несомнѣнно, лишали фигуру всякой возможности владѣть своими руками. На ногахъ были огромные, двухъ-аршинные коты ²⁾ на мѣху, которые, въ свою очередь, тяжестью и размѣрами своими играли ту-же сковывающую роль, что и рукава. Въ воротахъ, незапертая, узкая, въ человѣческій ростъ, калитка, въ которую и я мои конвойные были безпрепятственно пропущены фигурой, очевидно, представлявшей собою нѣчто въ родѣ часового. Пропускъ выразился въ разрѣшительномъ движеніи одного изъ длинныхъ рукавовъ по направленію къ калиткѣ. Обнесенный двумя высокими каменными стѣнами, длинный, но узкій дворикъ упирался въ трехъ-этажное, каменное-же зданіе, входъ въ которое заграждался другими, желѣзными воротами, дѣлавшими нижній этажъ зданія пробѣзднымъ. Въ правой половинѣ этихъ воротъ,

¹⁾ Продолженіе книги «Впередъ до распоряженія» (По тюрьмамъ).

²⁾ Галоши.

также имѣлась калитка, но нѣсколько отличная отъ первой: гораздо ниже и съ небольшимъ квадратнымъ отверстіемъ въ верхней своей части. Она была заперта. На двукратный стукъ въ нее одного изъ моихъ чичероне, въ отверстіи показалось чье-то лицо, и, вслѣдъ затѣмъ, калитка была отперта.

— Еще живое подаваніе! Слава-те Господи,—съострилъ охранявшій входъ въ нее бравый тюремный стражъ, съ унтеръ-офицерскими басончиками на плечевыхъ погонахъ, съ буквами «П. Т.», пашкой черезъ плечо и двумя большими ключами въ рукахъ.

— Святое мѣсто не бываетъ пусто,—откликнулся другой тюремщикъ, стоявшій поодаль.

Совершенно темный, глухой корридоръ, въ нижнемъ этажѣ зданія, направо отъ входа, привелъ насъ въ большую полусвѣтлую комнату, изъ которой вела дверь въ контору тюрьмы, о чемъ свидѣтельствовало прибитое къ двери, написанное крупнымъ курсивомъ, объявленіе, гласившее: «входъ въ контору постороннимъ лицамъ воспрещается». Назначеніе этой комнаты трудно было опредѣлить. Съ одной стороны, чрезвычайно грязный видъ ея, длинная деревянная скамья вдоль одной стѣны, такой-же столъ вдоль другой и метла въ углу заставляли полагать, что это прихожая конторы; но этому противорѣчило происходившее въ ней: скамья была занята старикомъ-арестантомъ, съ кандалами на ногахъ, двумя пожилыми, плакавшими навзрыдъ, женщинами, одѣтыми въ пышныя лисьи шубы, изящно одѣтымъ молодымъ человѣкомъ и очень хорошенькою, лѣтъ девяти, дѣвочкою. Здѣсь, видимо, происходило свиданіе заключеннаго съ своимъ свободнымъ семействомъ. У стола нѣсколько человѣкъ,—одни въ арестантскомъ платьѣ, другіе въ собственномъ,—что-то писали. Два десятка арестантовъ, построенные «по военному» въ двѣ шеренги, тутъ-же подвергались тѣлесному осмотру. Онъ производился подслѣповатымъ господиномъ, изъ-подъ штатскаго пальто котораго виднѣлся воротникъ военного сюртука, съ унтеръ-офицерскими галунами, и котораго осматриваемые, очевидно, состоя изъ «новичковъ», «бывалыхъ» и «старыхъ знакомыхъ», величади различно: кто—«ваше благородіе», кто—«господинъ хвершалъ», а нѣкоторые по просту—«Лексѣичъ». Мѣсто осмотра—полусвѣтлая комната—давало право заключить, что онъ производился только